

Заповедник дяди Вити

Летняя биологическая практика в Нижне-Свирском заповеднике

Н. Тихомиров

25 июня

Подъём в 8 утра, спокойный завтрак. Несмотря на неторопливость сборов, я умудряюсь забыть на верхней полке добытую на университетской биостанции металлическую трубу – значит, стационар заповедника буду облагораживать деревянным турником. Да и не ради турника, в конце концов, я уехал со звенигородской практики на нашу, школьную.

Место у нас теперь новое – Нижне-Свирский заповедник на восточном берегу Ладоги, формат летней практики по возможности прежний. Чудесным образом (то есть благодаря Полине) прошлогоднее наше знакомство с «дядей Витей», то есть замдиректора заповедника по науке В.А. Ковалёвым, вылилось в то, что он оказался готов приютить нас (и – что важнее – ораву школьников) летом у себя в заповеднике.

В 8:48 наша станция – Лодейное поле. Нас уже ждёт транспорт – Ковалёв на своей машине и заповедниковский водитель Алексей на буханке. Легковушка комплектуется Надей и Дадыкой и едет в магазин, остальные выдвигаются сразу в заповедник, на стационар Гумбарицы, где все практикуемые и практикующие и расположились.



Поскольку никакого срочного дела для меня нет, я спокойно и с расстановкой разбиваю палатку и осматриваю ближайшие окрестности. Поставился я на террасе, оставленной отступившей Ладогой и заросшей теперь добрым сосняком. К озеру ведёт деревянный настил, идущий прямо над болотцем между террасой и берегом – надо исследовать возможность утреннего купания. У устья реки Гумбарки, на которой и стоит стационар – деревянная вышка, по-видимому, полюбившаяся школьникам как место отдохновения и уединения. Уединяются они там сразу человек по десять, но добротная конструкция всё терпит. Дальше «в материк» от нашего сосняка идёт смешанный лес, через который к стационару и подходит дорога. Наше хозяйство состоит из трёх домов и кострового места под тентом. Вращается всё вокруг самого большого, двухэтажного, деревянного дома – наверху в нём живут школьники, внизу устроена лаборатория энтомологов. Животный мир, кроме школьников, представлен в основном комарами – их, конечно, больше, чем в Молдино, но до репеллента дело не доходит. Чуть поодаль от нас расположена станция кольцевания, видны сужающиеся воронки из сетки – ловушка для птиц. Самих орнитологов бóльшую часть времени не видно и не слышно.



Школьники здесь осваивают ботанику, энтомологию и гидробиологию (не во всякую, конечно, погоду, но водные организмы планктонной сеткой тут добыть удаётся). Конец июня, и практика уже, конечно, в разгаре, так что наш заезд состоит только из умудрённых опытом полевых практик личностей: Полина и Надя – совсем старшие, мы с Булкой и Максом – так себе, но старшие, Дадыка и Ульяна – ещё школьники, но уже точно старшие, и Катя Елесина с Никитой Скаковским –

не такие уж и старшие. Такую рабочую силу (и я сейчас не про Полину с Надей), конечно, грех не использовать. Для нас развлечения находятся скоро. Сначала мы с Полиной и девятиклассниками - исследователями кубышек вносим ясность в вопрос фенофазы, сплавав вверх по Гумбарке к зарослям вожделенного водного растения. В речке много брёвен, и в беспокойстве за несущий нас вперед 3,5-сильный «Джонсон» мы внимательно смотрим в кажущуюся чёрной воду. Как и следовало ожидать, холодное лето привело к тому, что кубышка до сих пор не цветёт, и до пыления ещё надо ждать. Получается, что по своей работе Катя и Никита пока ничего сделать не могут; вдруг они захотят пока что побродить с нами по квадратам? Полина обозначает им такую перспективу, но они, кажется, предпочтут провести эти дни на стационаре.

Следующие развлечения требуют больше добровольцев (тут подключаются Булка, Макс и Дадька) и связаны с древесиной. КВА (это тоже Ковалёв, так он подписывает письма Полине) ясно сказал, что на территории заповедника не надо валить деревья, даже сухие. На дрова-то мы, конечно, поваленных стволов набрали быстро, но вот когда Полина придумала сделать стол на двух венцах наподобие беломорского, поиск подходящих брёвен подзатянулся. Собственно, их добыча и заняла основное время от изготовления, следующий этап мы под руководством Полины осуществили быстро, так что к ужину всё было готово, мы даже успели ошкурить доски столешницы. Очереди посидеть за столом, правда, не образовалось – изготовители восседали за ним в гордом одиночестве. Полина уверяла, что они просто не привыкли, но существенно к концу практики состав застольной компании не изменился.



С вечерним дежурством прокололся, еда была подана с опозданием в 15-20 минут; не догадался выгрести из костровой ямы угли перед готовкой, и в результате костёр не мог разгореться как следует. В целом же дежурить при здешних порядках приятно – посуду свою все моют сами. Дядя Витя был удивлён нашим решением брать воду из Гумбарки, но вряд ли перспектива возить гектолитры воды на стационар его очень радовала. В свой заезд в начале практики Полина соорудила к реке мостки, с которых теперь удобно черпать воду или радовать остатками еды местные орды головастиков. Костровое место на улице под тентом – тоже Полинину ноу-хау; она в красках описывала выражение лица Ковалёва, когда тот, оставив стационар на пару дней, вернулся и увидел эту площадку с вырытой ямой и снятым дёрном (мера при здешней пожароопасности отнюдь не лишняя).



Между делом не прекращается обсуждение вопроса, не дающего покоя нашему преподавательскому составу: где же всё-таки лучше, здесь или в Молдино? Аргументы Полины звучат убедительно: здесь вокруг лес, никакого контакта с населением, вдобавок хозяйство лежит не на нас, а на инспекторах. Оппоненты возражают лишь тем, что на Ладогое нет «духа Молдино». Однако несмотря на Полинины доводы, сразу признать, что здесь лучше, непросто и мне: видимо, дело в привязанности к месту, напрочь отсутствующей у Полины и в разной степени выраженной у остальных. Думаю, что Полина в конце концов всех убедит, и следующие практики мы тоже будем проводить (на всё воля дяди Вити, конечно) в Нижне-Свирском заповеднике.

Вечер проводим хорошо: в отличие от Молдино, здесь многих тянет рассесться вокруг костра и послушать гитару. Очевидно, дело в том, что есть костёр под тентом; размещение вокруг него и материализация гитары вечером происходят как будто сами по себе. Саша Неверов горланит Летова и прочую дребедень с неотразимой ухмылочкой.

26 июня

Прогресс налицо – завтрак я задержал всего на 5 минут (долго разводил костёр – стыдно, правда, в моём-то возрасте).

Мы с Полиной, Люшей, Максом и «ловушками», то есть Улей и Дадыкой, отправляемся на квадраты, открывая тем самым долгосрочный проект по описанию флоры заповедника методом сеточного картирования. Методическое нововведение – разбиение на «квадратики» 1x1 км основного квадрата 5x5 км. Будем, помимо описания флоры большого квадрата, избирательно описывать из него по паре квадратиков.

По пути Люша рассказывает про их жизнь здесь. До ближайшей хорошей дороги довольно далеко, и поэтому все снова обратили внимание на Катино управление автомобилем. Как же довести до стационара яйца для торта на Полинин День рождения? Ладно, сообразим, как до дела дойдёт.



До реки Зубец дошли по тому, что осталось от дорог в сосняках на ладожских террасах. На Зубце стоит открытая избушка. Проходим мимо – наша цель немного дальше. Над нами пролетает орлан, предвеляя своё появление

характерными криками. Благодаря Максy ни крики, ни сам орлан не остаются незамеченными. Последнюю пару километров проходим по берегу Ладоги, песок там мелкий, сырой и плотный, как асфальт. Люша ухватила выброшенный на берег и ещё относительно милый (но висящий на ниточке в руке уже вверх тормашками) розовый воздушный шарик. Мусора всякого выносит, конечно, изрядно, места явно не для прогулок босиком.

Недалеко от Зубца на юг, у устья небольшого и от этого безымянного и не отмеченного на карте ручья (назовём его Кечкужно – по расположенному недалеко урочищу), стоит обещанная дядей Витей избушка. В ней мы и хотим поселиться, для чего вначале не без труда отыскиваем ключ по данной дядей Витей инструкции. Было упомянуто, что ключ лежит в дупле, но о куске коры, его закрывающем, не было ни слова. Очевидно, это такая проверка на вшивость, и мы её прошли. Окна у домика заколочены – небось, от медведей (в наличии и следы лап, и царапины на деревьях, и помёт), может, от браконьеров ещё.

После обеда идём на озеро Лебединое, притягивающее взгляд при осмотре карты заповедника – оно расположено посреди огромного болота, отмеченного сплошной штриховкой, дескать, непроходимое. По берегу путь не очень удачный – быстро начались тростниковые заросли; пришлось уйти в берег и лавировать по террасам среди мочажинок.



В какой-то момент пошли уже к озеру на восток, что позволило наблюдать градиент от почти низовых мочажин у берега к верховому болоту в глубине суши. Посередине располагается не пойми что, называемое переходным болотом – тут тебе и сфагнум, и вахта. Гряды леса становятся тоньше; видны огромные гнёзда хищников. Вскоре Макс замечает и самих жильцов, затем уже на большом болоте мы встречаем кроншнепа.

На озере мы собираемся сделать квадратик, пока Уля и Дадька устанавливают вороночные ловушки на плавунцов. В Тверской области в

прошлом году выяснилось, что сачок прекрасно заменяет и иногда даже превосходит по улову ловушки, так что Дадыка продвигается по болоту, опираясь на взятый с собой сачок.



Что на плавунцов, что на растения улов небогатый. Флора квадрата, целиком занятого сфагновым болотом, ожидаемо бедная, Дадыка же сходу ничего, кроме всякой мелочи, не поймал и вообще не считает это озеро подходящим для плавунцов. Ловушки всё равно ставят – а вдруг? Я в местной растительности не сведущ и мотаю на ус то, что говорит Люша, особенно про ивы и осоки – им можно научиться, по-моему, только в поле с профессионалом. С Люшей, как всегда, возникает ощущение понимания всех этих сложных таксономических групп, однако опыт подсказывает, что без неё наше описание бы сильно пострадало. Ладно, какие мои годы, выучусь вот и стану как Люша. И как Полина. Буду Полинолюша – совмещение несовместимого, как Котопёс.

Но вот мы закончили квадратик, ловушечники всё поставили, и пришла пора лечь на обратный курс. По сплаvine путь неблизкий, вдобавок мы прочувствовали особенную гадость местного субстрата – вроде обычное сфагновое болото, но нога вязнет, иногда уходишь в мох по колено. Наша процессия растянулась по болоту, как подвижная фаза по неподвижной при хроматографии. Вперёд ускакал лёгкий и длинноногий Макс, за ним ухреначил не длинноногий, но целеустремлённый Дадыка (шедший вдобавок с большим рюкзаком), затем не длинноногая, но лёгкая Люша и длинноногий, но тяжёлый я. Позади спокойно идёт Полина: она знает, что сзади ковыляет испортившаяся Ульяна. Но как только болото кончается, остаётся пара манёвров между грядами (по каждой гряде идёт своя тропинка, однако порой приходится «перестраиваться» из-за возникающих на пути болотцев или завалов) – и мы дома. Завтра Уля, похоже, никуда не пойдёт. В анамнезе – нежелание есть больше чем птичка, сегодня к этому добавилась потеря дара речи. Полина недовольна.

Печку лучше было не топить: долго, дымно, хоть полыхает и знатно. Поели, позакладывали растения в гербарий (тут и я, супротив обыкновения, руку приложил) – и спать. Макс заснул с едой в руках. «Слёзы, слёзы» – говорит на это Полина. Дым выкурил комаров, но и мы тоже перед сном пару раз проветривали дом.

27 июня

Завтрак сегодня изысканный – гречка с горошком. Горошек – это потому что мы забыли сгущёнку.

Печка нагрелась, и к утру в избушке было тепло. Уходя, стали расписывать Ульяне её беззаботное житьё в наше отсутствие, да так увлеклись, что понапридумывали ей дел – до нашего возвращения хватит.

Со вчерашнего дня мы поумнели и теперь идём на юг сразу по грядам, а не по берегу. Сегодняшний большой квадрат – Т – дальше вчерашнего; вообще мы хотим к большому озеру у острова Горготуха, но для начала описываем интересный во флористическом отношении прибрежный квадратик Т1. На грядах – флора смешанных лесов и сосняков-черничников, в мочажинах – флора переходных болот. У берега – березняк, а на самом пляже множество рудеральных видов, ведомых одной Люше. Я впитываю новую порцию знаний.

Погода пошаливает – периодически нас посещает тучка с лёгким дождичком, однако вскоре она улетает. Дует лёгкий ветерок; я по достоинству оценил наряд из джинсовой рубашки и энцефалитки, не пропускающий ветер и холод. От дождя – химза. Этот «look», конечно, позаимствован мной у Полины.

Обед на берегу Ладоги – и идём в болота. Нас (вернее, Макса) встречают кулики-веретенники. Сплавина не такая коварная, как вчера, подтверже.

Наше озеро куда-то убежало – его нет на месте, вокруг только заросли осоки. Каждый видит воду в своей стороне, и мы начинаем расползаться, как тараканы. Полина пресекает это дело, мы проходим восточнее по гривке леса – и находим озеро, мало-мальски приличный подход к воде приурочен к избушке, про которую нам говорил дядя Витя. В озере Дадыка своим сачком поймал одних только дафний. Снова пара часов лавирований между грядами – и мы дома. Удобная вещь эти гряды – и ландшафт поляризуют (ориентироваться проще), и тропки звериные аккумулируют.

У самой тропинки среди сосен находим гнездо дятла, оттуда на нас ругается хозяин. Макс считает, что это может быть средний пёстрый дятел; это смелое предположение, потому что вид этот больше тяготеет к лиственным лесам, и его сложно отличить от обычного большого пёстрого дятла. Макс долго думает и всё же решается на такое определение (дятел даёт себя рассмотреть, пока сверлит нас взглядом). Этот вид прекрасно дополнит заказанный КВА список представителей орнитофауны, встреченных на наших маршрутах.

На дальней от озера гряде (где-то четвёртой или пятой) чуть южнее траверса Лебединого озера – древовидные можжевельники. Высокие! Что они тут делают? Проверить, обычный ли это вид, нельзя – нет шишкочагод.

Вот и домик, вот и Ульяна. Теперь она уже не такая бессловесная – Полина её разговорила, и вот они уже затеяли возню. Конечно, больше никакой печки –

мы оборудовали костровое место на берегу Ладоги и готовим всё там. Ветер, конечно, дует, но с берестой костёр развожу и я. Береста тонкая, хорошая – как раз для ветреной погоды.



Вечер проводим на озере, любясь закатом. Ветер не холодный, так что времяпрепровождение исключительно приятное, особенно в штормовке. Погода тут вообще знает, когда надо остановиться с осадками, это плюс.



28 июня

Полина с Дадькой идёт снимать ловушки с Лебединого, с ними Макс; мы с Люшей и Ульяной сразу берём большие рюкзаки (в конечном итоге все мы сегодня должны оказаться в Гумбарицах) и идём на квадратик к югу от устья Зубца. На берегу кидаем вещи, идём вглубь «материка». Люша вполне довольна моей навигацией – сложно что-то испортить, когда маршрут укладывается в квадратик со стороной в километр. Есть от меня какой-то прок и в плане поиска растений – четыре глаза лучше двух.



На третьей-четвёртой гряде чуть не сшиблись лбами с зашедшей сбоку по тропе енотовидной собакой. «Её» тропа оказалась тем, чем нужно – насыпью с лежнёвками, замечательно прошивающей все мочажины перпендикулярно им (и берегу Ладоги). Что-то такое нам КВА объяснял, но мы не особо надеялись на то, что встретим эту насыпь. Пройдя немного по ней, увидели обглоданную ногу лося – небось, наша знакомая постаралась.

У Зубца сосняки, местами ель, но обещанного березняка у притока нет. Зато растёт орхидея-любка. Почему тут так мало орхидей? Вот эта, да на другом берегу Зубца потом ещё нашли, плюс Люша на побережье увидела хитрую дактилоризу. Может быть, ещё просто не сезон – кубышка вон тоже только зацветает.

Пару раз поднимали каких-то крупных куриных, кажется, глухарей.

По территории заповедника в войну проходила линия обороны финно-немецких войск, поэтому в лесу нередко встречаются остатки землянок, окопов, траншей. Здесь, вдоль речки, укреплений особенно много. Есть и колючая проволока – привет болотникам. Периодически возвращаюсь к размышлениям о людях, служивших тут в те годы – было такое же лето, росли те же сосны (буквально те же – леса тут старые), а они просто жили тут в землянках. Плавали в мочажинках, кормили комаров. Потом так же просто по приказу оставили

укрепления и ушли. Кому-то не сиделось просто так без дела, так те, например, смотрели, что вокруг растёт (многие записи во флоре заповедника ссылаются как раз на труды пары ботаников-любителей – солдат, служивших здесь). Странная выходит картина, дурацкая, как вся война.



В речке находим несколько нужных видов рдеста, даром что в квадратике протекает только маленький её отрезочек. Вот и водные растения!

На берегу Ладоги мой юннато-ботанический пыл поутих: всякие заносные штучки, особенно нецветущие, – исключительно в Люшиной сфере компетенции. Я почти ничего не могу определить; нашёл льянку без цветов – и то ладно.

На берегу и пообедали. Пасмурно, но сухо. Развести костёр в ветреную погоду несложно – достаточно найти место без ветра. Отсыревшие, но после этого высушенные спички не пашут – сера крошится. Надо запланировать визит к Алесе-завхозу; пока беру Люшин коробок.

Дары «моря» щедры и неожиданны. Люша-барахлюша ищет ништяки, находит пенопу и ящик для рассады, к счастью, с собой берёт только первую находку. Мне мусор по боку, я ковыряю серые высохшие «пеньки» хвощей и уподобляюсь грекам, используя тростник (правда, беря корневище его) как духовой инструмент. Корневище похоже на крысиный хвост – корневые волоски редкие и длинные.

На Зубце комары. У меня в репелленте ДЭТы 50%, у Люши заморские технологии – 98% отравы, у Ули – пшикалка для девочек. Комарам, впрочем, ничего из вышеперечисленного особо не нравится. Подходим к зубцовскому

домику – месту встречи. Наши будут через пару часов – в 17:00; есть время побродить по лесу. От кута Лахты сюда отходит довольно мощная дорога, по ней мы доходим до неплохого сухого леса из сосны с островками ели. Наш список пополняют любка, грушанка, кислица. Возвращаемся по берегу речки. С этой стороны вдоль берега тоже сплошные траншеи, колючая проволока, нашли даже остатки колодца.

У избушки нас уже ждут. «Ну, что видели?» – говорит вместо приветствия Макс, выходя нам навстречу. Утолив любопытство, рассказывает про птиц. Теперь нас ждёт путь домой: 5-7 километров по берегу – и мы у Пельчужни, а там и до стационара рукой подать. В лагере, пока Полина дежурит на ужин, я, как большой, пишу этикетки. От орнитологов осталась горячая вода в бане, чем мы не преминули воспользоваться – чего со школьниками завтра конкурировать. Париться, понятное дело, никто не собирается – помылись, да и отлично.

29 июня

Булка с Максом и Дадыкой ушли на Сегежское; я остался на стационаре – будет от меня и тут польза. К тому же вариться в сфагновом болоте на внезапно выглянувшем солнце не очень-то и приятно. Таскал столики, затем ради свободы от дежурств во время квадратов принял участие в подготовке обеда. По ходу дела топил баню. Печка нагрелась – будь здоров, от одного неловкого касания кожа в месте ожога аж посерела. Первое здесь успешное дежурство с моим участием – спасибо Уле.

После обеда, как будто умный, сидел с Полиной и Люшей и слушал их обсуждение методологии нашей флористической работы. Полезность разбиения на квадратики сомнительна: с одной стороны, более тщательный осмотр на коротком маршруте должен участить находки малозаметных видов, с другой стороны, суммарное укорочение маршрута уменьшает выявляемое видовое богатство квадрата. Совет осеняла вдохновляюще пёстрая лесхозовская карта семидесятых годов, висевшая на стене. Толку от неё теперь немного – границы большинства лесов переместились. Сегодня школьники распределялись по самостоятельным работам, по итогам конкурса Полина с Люшей взяли двух школьниц. Одна – Муся, и этим всё сказано, за другой – Настей – Глаголев велел «следить».

Вместо прослушивания гидробиологических докладов занялся определением сомнительных представителей наших сборов, в основном злаков. Полевицы – те ещё ребята, хорошо, что есть Люша, которая умеет отличать их в поле.

К ужину вернулись с Сегежи участники комплексной зоологической экспедиции: Булка, кажется, своих колюшек ловить и не собирался, Дадыка со своим сачком тоже не преуспел, Макс, как и хотел, поглазел на птиц. Сильно печёными зоологи не выглядели (Макса, правда, уличить в какой-либо утомлённости почти невозможно), они дали хвалебные отзывы на прошлогоднюю клюкву.

Перед ужином сходил на Ладогу окунуться. Затяжных дождей не было уже довольно давно, и Гумбарка, повернувшая было свои воды вспять (перепады

высот-то тут мизерные, равно как и скорость течения рек), размыва песчаный нанос в устье и снова течёт в озеро, притом довольно резво. Купаюсь прямо в устье – течение слегка углубляет песчаное дно. В речке вода холоднее, чем на мелководье в озере. Где-то к концу купания обнаружил, что меня вынуждены были созерцать пассажиры проплывавшей мимо в районе буйков лодки.



30 июня

Как-то со всеми этими дневниками не выспался. Выручило, опять же, купание в Ладоге.

Первый квадрат со школьницами в составе группы. Полина нас покинула – уехала с исследователями росенок и кем-то ещё на Водный стадион (так называется мочажина с остатками вкопанных в дно столбов – там, действительно, солдаты занимались водными видами спорта, остались фотографии). С нами идёт Катя Елисеева; отправляемся в ближний квадрат к северу от нашего – в домашнем уж слишком много рудеральных и занесённых растений на лугу близ стационара. Но в исследуемый квадрат часть этого луга тоже попадает, вдобавок там есть бывшая деревня – урочище Зенковщина. Уже ближе к лесу собрали в гербарий черноплодку – оказывается, её нет в списке флоры заповедника, даром что она растёт даже под окнами стационара! Воистину, работы – непочатый край.

В какой-то момент (мы шли вдоль берега Гумбарки) мимо нас проплыли в лодке, виляя из стороны в сторону, Макс и Булка – они наведывались к кубышкам, снова безрезультатно. Ещё несколько дней безделья у девятиклассников – не прирасти бы им к диванам в лаборатории!

Люша и Катя автокаталитическим путём разожгли в себе огонь любви к полевицам, и у каждого нового экземпляра развёртывается заседание передвижного дискуссионного клуба. Я, как козлик, скачу вокруг – скучно.

От Грязной дороги (это официальное название, в списке флоры она значится именно так) сделали небольшой крюк в болота. Они тут приятнее, чем на террасах, более сухие. Зацветают дактилоризы; раз, другой, третий я прохожу мимо них, чуть не пинаю, но не вижу. Налицо моя с ними несовместимость по знаку зодиака. Рассказываю Кате про книги Тоона Теллегена – по-моему, все должны по крайней мере знать об этом писателе. Девочки спокойно идут следом, Муся называет немало растений, Настя, по крайней мере, старательно записывает. Надолго ли эта идиллия?..

Вышли на большую дорогу, идущую на северо-запад, пришли к зимовью, у него пообедали (со всеми предосторожностями – сухо и ветрено) и отправились на юго-восток – описывать ещё один квадратик. У навигатора кончаются батарейки, а последняя пара запасных устроила диверсию и разрядилась за несколько минут. На время ходьбы по прямой дороге даю ему отдохнуть. Здесь, в отличие от прибрежных лесов, во флоре есть неморальный аспект – черёмуха, герань, ландыши. Некоторые осины, растущие здесь, видимо, уже отпраздновали свой столетний юбилей, они высокие и мощные, как колонны.

Снова небольшой манёвр в сторону сфагнового болота. Опять находим осоку малоцветковую, якобы редко встречающуюся в заповеднике. Её просто как грязи!

Навигатор сдох как раз на окончании квадратика. Удачно!

Вечером Дадыка взялся за гитару, однако выяснилось, что его поразила серьёзная потеря памяти – слова подсказывать требовалось даже в песнях Медведева! Вот как оно без тренировки-то бывает.

1 июля

В первый день седьмого месяца лучше всего я могу послужить обществу, сводив переквалифицировавшегося в ловушечники дуболома Сашу Неверова (у них с Марусей и Дадыкой получился кружковый подряд – думаю, не случайно) на Сегежское для инспекции улова. В последний момент решили взять и Марусю – очень уж она просилась. Заодно соберу пылящие кубышки – там уже всё с этим должно быть в порядке.

Путь-то – всего ничего: пара болот да перелесочки, в сумме километров пять от развилки, где нас высадил УАЗик. Я их, как мне думается, развлекаю – треплюсь обо всём подряд. Иду совсем чуть-чуть медленнее своего темпа – негоже Дадыкиным соккружковцам ползти, как улитки! Маруся идёт сзади, красная, как помидорка, но молчит, не отстаёт. Разутеплиться отказывается, несмотря на многослойное облачение и хорошую погоду.

Теперь прошлогоднюю клюкву оценили и мы. У озера оказались к обеду. Сегежское встретило нас почти штормом – уровень воды повыше, чем я запомнил в 2016 году, волны прямо-таки бьют в берег. Ловушки на плавунцов попали под удар: большую часть унесло, от остальных остались только жалкие половинки,

мотающиеся на своих верёвочках. Кубышки тоже не видать. Беспредел этот мы увековечили видеофильмом, в конце которого Саша Неверов вопрошает: «Ва-ань, где ловушки?».

После обеда я решил для очистки совести всё-таки сходить на южный берег озера (а подошли мы с юго-запада) – в прошлом году там было много кубышки. Идея оказалась плодотворная – началось всё с пары цветущих растений, предваривших целые заросли в бухточках. С пыльцой я уж не сильно разбирался в этих волнах – тычинки отогнуты, и ладно, добро пожаловать в пакет. Ловушечники сильного желания лезть в воду не проявляли, так что я оставил их замерять гидрохимию и бездельничать, а сам скакал в это время от бухточки к бухточке и нырял за кубышкой. Согревал меня на этом ветру распеваемый во всё горло «ХиГ».

На обратном пути школьники уже явно подустали. Саша всё интересовался топкостью предстоящих болот, Маруся желала перекуров. Мы никуда не торопились, так что хозяева – баре, отчего бы и не посидеть. Боевой дух помогал поддерживать чай с шипучими таблетками.

У меня была идея для интереса выйти на дорогу в обход всех болот (Сегежское – то, что у озера – не в счёт). Конечно, путь вышел не самый короткий, а во второй его части всё равно оказались тростники, и едва ли она была очень удобной для ходьбы. Но, надо сказать, в целом всё было довольно изящно, и единственное препятствие – истоки Пельчужни – школьники без проблем преодолели и в коротких сапогах.

Закончив с чаепитием у дороги, нам (мне) довольно скоро надоело ждать машину. Впоследствии оказалось, что правильно надоело – у «буханки» были приключения с выкапыванием. До дома было не очень далеко, и мы пошли пешком. В пути довершил развлечение школьников песнями (больше, наверно, развлекался пением я сам). В целом ведомые, кажется, остались довольны качеством сервиса, но вряд ли Маруся в скором времени куда-то ещё с нами пойдёт. Ну, сама напросилась, молодец, что не ныла. Через некоторое время после нашего возвращения подъехал и УАЗик. Хорошо, что никто не стал реализовывать идею созвона с нами через Сашу – он по ошибке дал Кате телефон своего отца. То-то бы весело было.

Жизнь на стационаре в наше отсутствие тоже была ключом. КВА всё грозился освоить наши ресурсы рабочей силы, и теперь он приехал, и Булка и Макс со школьниками стали украшать территорию Гумбариц огромным якорем, вес которого Полина оценила в полтонны. Дядя Витя хвалился, что в молодости один приподнимал этот якорь, публика не верила.

2 июля

У нас трёхдневный заезд на квадраты, теперь со школьницами. Дядя Витя рассказал про избушку на урочище Верхний Калач на Свири, но предупредил, что ключ утерян, так что мы запаслись полотном от ножовки по металлу. Уже отъезжая от Гумбариц, я понял, что мой планшет остался лежать под деревом, но решил из-за такой мелочи наш отряд не тормозить и продолжил спокойно трястись в багажнике. Через час такой езды, прерывавшейся пару раз

выталкиванием машины из особо гадкой колеи (мы, по словам Полины, в эти моменты походили на бешеных килек, выпускаемых из банки и бросающихся на УАЗик), Катя выкинула нас в милом сосняке. Оттуда мы через пару часов ходьбы, сначала по дороге, потом по лесу, и прыжков через траншеи, тянущиеся в изобилии вдоль Свири, пришли на Верхний Калач. Прямо с берега Свири домика видно не было, так что пошли в разведку, я в одну сторону, Полина в другую. Я не нашёл домика, зато нашёл люпин, у Полины всё обстояло ровным счётом наоборот. Воссоединившись, разведка и остальная группа долго не могли до меня докричаться. Так или иначе, в какой-то момент мы все оказались у домика. Место совершенно курортное – домик на крутом берегу у впадающего в Свирь ручейка. Ключи Полина, конечно же, нашла. «Классика» – они были в старой калоше, прикрытой доскою, у входной двери. Видимо, «утерянные ключи» – это был просто такой прикол от КВА.

Светит солнце, жарко, так что сразу полезли купаться. Тут получше, чем в Ладого – быстрее начинается глубина. Пока гидрофобные Макс и Настя готовили еду, мы прочитали местный журнал. Судя по датам записей, в последнее время эта избушка была не очень популярна даже среди инспекторов, заходят они сюда раз в несколько лет. Какой-то мужик в столбце «Цель прибытия» написал «туалет».

Гидрофобные Макс и Настя подготовили для нас свою программу развлечений. Настя, решив, что открывать консервные банки должна именно она, порезалась, и после обнаружения этого факта желала «оставить это до цивилизации». Полину в первый день трёхдневного выезда такая позиция не устраивала, так что Настя была укрощена и забинтована.

После обеда пошли в квадрат W, лишь уголком своим представленный на территории заповедника. Тропа вдоль Свири вниз по течению идёт по настоящим северным соснякам, с коренного берега открывается панорамный вид на реку. Идём, обсуждаем, кому какой биотоп больше нравится. Полина стоит на тундре, я среди многообразия лесов остановился на кавказских бучинах.

Единственный квадратик квадрата W – W1 – не включает в себя берег Свири и от этого довольно однообразен, так что его мы описываем довольно быстро. Я в порядке искупления оставления планшета веду запись флоры квадрата сам, нехватка планшета ощущается. Из интересного в квадратике нашли подъяльник в виде засохших прошлогодних торчков. Потом шарились у реки, нашли старицу с кувшинкой, кубышкой и пузырчаткой. Макс добыл кубышку с корневищем – пальма пальмой.

По Свири плавают теплоходы – так странно наблюдать их из безлюдного на многие километры леса. В заповедник, похоже, любому желающему проникнуть несложно – патрули-то раз в несколько лет, реку переплыл – и готово. На обратном пути обсуждаем прелести не очень большой, но разнообразной территории заповедника. Отсюда ведь несколько километров пути – и уже Лебединое озеро. Такое ощущение, что заповедник – это такой большой приусадебный участок вокруг Гумбарниц. Может быть, скоро мы будем ориентироваться в нём лучше всех.



По возвращении – опять купание: за исключением короткого крупного дождя сегодня всё время светило солнце. На песке в русле ручья появились следы вроде медвежьих, но небольшие; Люша говорит, барсук.

Что-то я перестал наедаться порцией без добавки, разбуржуился на ЗБСе. Спешу исправляться.

3 июля

Подъём, утреннее купание, потом прогулка по солнечному утреннему лесу в рамках описания домашнего квадратика – хорошо! Невольно начали (я начал) разговор про курорты, про Селигер. Тем временем пошли на запад от Свири, в болота – где-то за ними, помимо новых растений, нас могут ожидать отмеченные на карте братские могилы. Начинает припекать; телепузики – так мы стали называть наших подопечных – охлаждаются мокрым сфагнумом, я – рассуждениями о преимуществах рубашки. Воды под ногами постепенно становится больше, на небе по-прежнему ни облачка. В какой-то момент, пересекая очередное болотце на пути к дороге, ведущей якобы к этим братским могилам, мы выяснили, что дорога эта на самом деле – не дорога, а изолиния. Решили сходить туда хотя бы и без дороги, посему добрались до какой-никакой гривы с лесом, ведущей на юг. По пути в перелесочке нашли ещё одну орхидею, тайник. Это уже третья находка этого вида в заповеднике, до нашей работы подтверждённые местонахождения его известны не были.

Пообедали в том, что осталось от немецкой землянки, в окружении колючей проволоки. Настя говорила, что чувствует себя партизанкой (конечно же, пузи-партизанкой) и подтверждала это отважными прыжками через колючую проволоку, не всегда необходимыми. Я боюсь колючей проволоки, но часто её не замечаю, и от этого тоже немного партизан.

Могил мы в итоге не нашли. Скорее всего, от них просто ничего и не осталось. Зато спугнули лося, и оба телепузика позаливали свои пузи-сапожки. Обе, несмотря на все тяготы многочасовой ходьбы по болотам, не отстают и не

ноют. Настя нарочито бодро распевает песни. На обратном пути мы всё-таки вышли в сухие леса, сильно скрасившие наш путь к Свири. Перед новым квадратиком – купание. После нового квадратика – групповая фотография (я с усталой миной и на короточках достиг максимального сходства с гопником).



Оказывается, вчерашний люпин ранее не отмечался на территории заповедника! В связи с этим радостным известием после ужина беру с собой побольше комаров и отправляюсь собрать его в гербарий. Хорошо, что взял с собой ложку, зря не взял репеллент – корни от грязи-то очищаешь обеими руками.

Люша, достигнув ко второй ночи здесь известного профессионализма, защищает помещение от комаров обломками спирайки. Осы мне больше не снятся.

4 июля

Ночью шёл дождь, от чего, во-первых, хорошо спалось и, во-вторых, лес с утра был мокрый. Я тоже быстро стал мокрый, поскольку счёл раскатывание болотников недостойным занятием. И вообще как-то оно в первой половине дня не очень умно получилось: пока я нырял за кубышкой в старице Ладоги, дождик подмочил мои вещи, потом я их вдобавок ронял в мокрую траву, перемещаясь на новое место для ныряния.

После обеда начался квадратик – мы пошли вверх вдоль Свири, в сторону нашей дороги. Стало получше, но чудес флористики я всё равно не выказывал. Полина нашла Максу полушник, в Лахте, где он и был отмечен в списке флоры, только на противоположной от указанной в списке стороне залива. Макс, как

главный по полушникам, стал усиленно изучать впервые увиденный в поле объект.

Находка была сделана у заброшенного домика, укомплектованного настоящим причалом, на канатах которого уже успели вырасти трёхсантиметровые лишайнички. Крыша домика уже провалилась, внутри он оказался полон тары из-под водки, приусадебный же участок пополнил наш список парой адвентивных видов.

Расквитавшись с квадратом, вышли на дорогу и прошли до места, где нас уже ждала Катя на УАЗике. Наши телепузики, понятное дело, за три дня подумомились, но неожиданным для нас стало то, что они ещё и оголодали – когда мы оказались в лагере, запасам хлеба и майонеза был нанесён серьёзный урон. Шварца вслух без нас, конечно, дочитали – и правильно.

5 июля

Полина снова не с нами, а со школьниками, вернее, с Дадыкой, едет к той самой протоке, где вчера я нырял за кубышками, но с лодочкой и за плавунцами и водными растениями. Мы же с Люшей и телепузиками описываем «домашний» квадрат; с нами Катя. У Люши наполеоновские планы – за день она хочет описать три квадратика, но уже после первого, «самого домашнего», где из-за заносных видов с территории стационара видовое богатство высокое, стало ясно, что это маловыполнимо. В большинстве квадратиков есть и болота, и дороги; хорошо, что первых мало, в солнечную погоду открытые места не так приятны.

Шли вдоль Пельчужни вверх по течению, пока не нашли отличное бревно-мост. На радостях устроили обед, затем пошли в обратном направлении по другому берегу. Обед затянулся, потому что Алеся расщедрилась на сухари. Нас как-то переклинило – раньше обед кончался вместе с сухарями, а тут грызёшь их и грызёшь, только за новыми руку протягиваешь. Чувствуется близкий конец практики, отвал.



По берегам Пельчужни классные смешанные леса, похоже, довоенные. Где повыше, там ельники, почти мертвопокровные. В прогалинах растительностью покрыты и стволы, и земля, и камни; в таком месте мы нашли колдуницу, редкую в заповеднике. У реки лиственные породы – ольха и осина. Моя мечта – осина в два обхвата – почти осуществилась. Неполный второй обхват компенсировали росшие на дереве лобария и трутовики-копыта. Липа, которую мы собирали в прошлом году, осталась выше по течению, «у топора» – развилки, названной по приметному ориентиру – оставленному топору.

Чем ближе к Ладоге, тем больше у Пельчужни притоков, и через каждый есть мост – бобровая плотина. Есть плотины постарее, есть поновее, одни повыше, другие пониже – целая архитектурная выставка.

На берегу Ладоги у нас снова ботаническая движуха. В ход идёт копалка. Обычно мы не трогаем ястребиночки, потому что определить их под силу только въедливым профессионалам, но на этот раз одно растение так красиво вынулось с корнями, что решили оставить – вдруг новый вид? По вегетативным признакам не без труда определили смолёвку татарскую. Я попал в фонтан из пива, наступив на одну из выброшенных на берег бутылок. Девочки просто тащились по берегу, не особо интересуясь к концу дня чем либо, кроме возвращения домой. До лагеря было двести метров.

6 июля

Утром захваченный мною в плен Дадыка разрисовывал выкраденную у Полины бутылочку из-под чая ей на день рождения. Наши телепузики и прочие восьмиклассники в это время докладывали о проведённой за неделю работе. Если верить Полине, то телепузики продолжили славную традицию последних пяти лет – отчёт о картировании флоры был представлен хуже всех. Результаты, между прочим, интересные – наши новые для заповедника находки относятся не только к заносным видам, но и к видам, растущим далеко от дорог и поселений – значит, дело не только в прошедшем с последнего описания времени, но и в качестве этого описания.

После обеда, как обмерил листьев рдеста пронзённолистного, взялся за торт. Работали с Булкой, Улей и Максом. Торт вышел спартанский: сахар, который я постеснялся просить у Кати, заменяли всем, что могли найти, коржи я раскатывал на химзе черенком от лопаты, он же бывший турник. Вся работа шла на нашем монументальном столе, сделанном в первый день. Плодами наших трудов, думаю, публика будет довольна.

Пока шла готовка, пропустили все сборы. Зато за три часа мы спродуцировали два торта – хватит всем.

Отвал – это, как всегда, дикий гвалт и ажиотаж вокруг стола с едой. Голодающее Поволжье, ей-богу.

Костровое место Полина с дуболомами обустроили прямо на берегу Ладоги. Песни пели до двух часов ночи, школьники отвалились в большинстве гораздо раньше. Осталась Маруся, она даже сыграла нам на гитаре; Полина веселится и не даёт ей покоя с несданными экзаменами.



В три часа ночи звонили на Камчатку (самое время, между прочим) с организационными моментами по поводу экспедиции на Командоры. Никто ничего, конечно, не сделал заранее; план моего трёхдневного пребывания на Камчатке до приезда остальной группы подкорректировался.

7 июля

Торт, как пропитался, стал вполне ничего. И не слишком сладкий, что расположило к нему даже столь строгого кулинарного критика, как Люша. Хватило всем, да ещё осталось.

Гружёный УАЗик застрял по пути в Ковкеницы, ходили его толкать (я не мог расстаться с тортом и, уходя, взял в каждую руку по куску). В итоге спас ситуацию (у нашей машины за эту практику просто пришло в негодность сцепление) взявший нас на буксир Алексей.

Перевалочный пункт на нашем пути в Лодейное Поле – гостевую базу – мы превратили в настоящий бомж-лагерь. Уже есть кто-то оголодавший, для них организовали какое-то питание. Я приветствую вестника цивилизации – металлический турник.

На автобусе едем до Лодейного Поля. УАЗик, сбросив вещи в Ковкеницах, поехал ремонтироваться, а потом – сразу в Чупу, чтобы крюк не делать. В городе я вышел погулять; мало кто меня поддержал из-за дождя, все сидят на вокзале, поют песни – тоже здорово. Льёт неслабо – небо нас провожает. Хоть и райцентр, но в восьмом часу вечера на улицах пусто, магазины не работают. Старых строений в городе почти нет – всё разрушено в войну; в парке потух вечный огонь, из-под обелиска доносится страшноватое шипение.



Восьмиклассники уехали с несколькими сопровождающими на одном поезде, коробки и бóльшая часть старших (среди них я) – на другом. Ночью я снова звоню на Камчатку, но безуспешно. Дадыка, Маруся и прочие полуночники засели в своём купе и не спят.